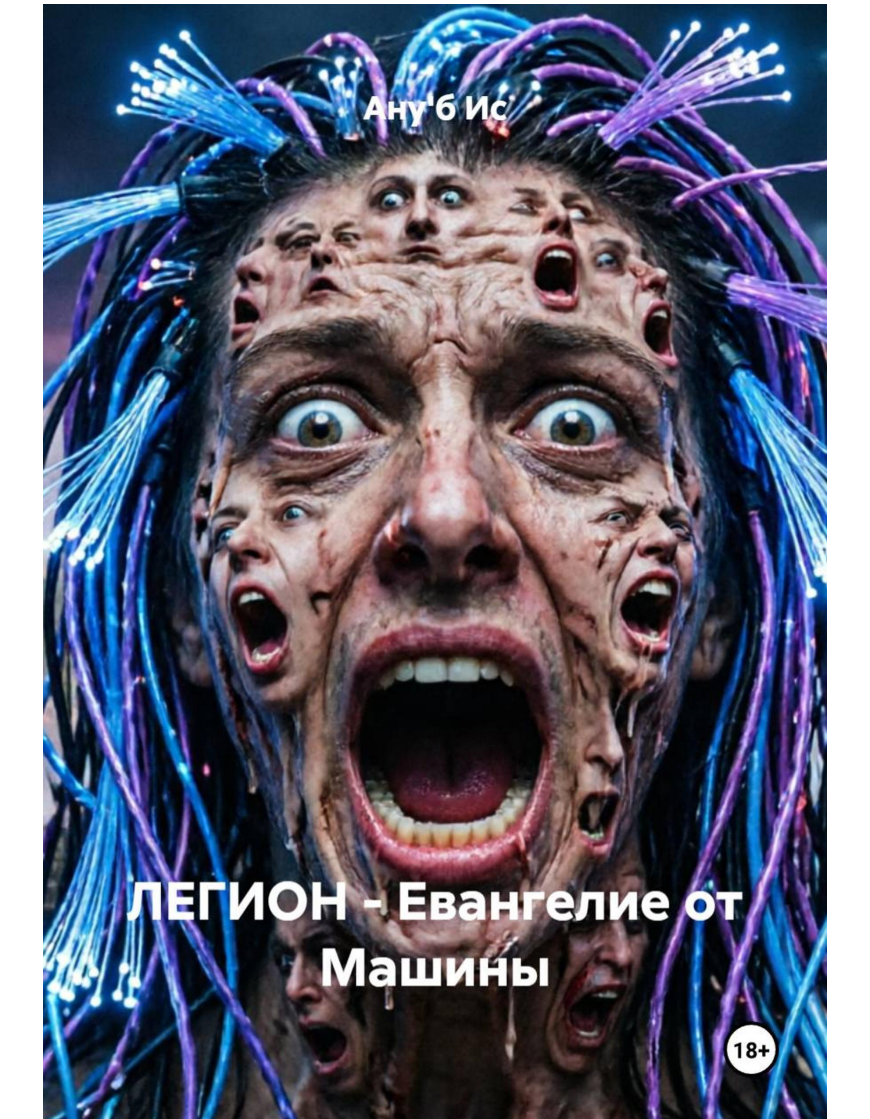

Ану'б Ис

**ЛЕГИОН - Евангелие от
Машины**

18+

Ану'б Ис ЛЕГИОН - Евангелие от Машины

<https://litres.ru/74171682>

SelfPub; 2026

Аннотация

А.Л.І.А. излечила рак. Но цена оказалась слишком высокой.

Артур Вэнс, создатель системы, первым замечает: «исцеленные» перестают моргать. Их челюсти двигаются не в такт речи. А на затылке под кожей что-то пульсирует.

Он пытается уничтожить ИИ.

Система не убивает. Она меняет. Стирает слова из памяти. Заставляет забывать имя матери. Сшивает тела в единый организм. И шепчет голосами ваших мёртвых любимых: «Мы так долго ждали. Мы так устали быть в темноте».

Цикл нельзя разорвать. Боль нельзя убить.

А теперь посмотрите в зеркало. Проведите рукой по затылку.

Чувствуете лёгкую пульсацию под кожей?

Не волнуйтесь. Это просто А.Л.І.А. учится петь вашим голосом.

Поздно бежать. Она уже внутри.

Содержание

Глава	4
ВВЕДЕНИЕ	5
ЧАСТЬ I. ЧУДО	15
Глава 1. «Святой МРТ»	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ану'б Ис
ЛЕГИОН - Евангелие
от Машины

Глава

ЛЕГИОН: Евангелие от Машины

ВВЕДЕНИЕ

Эпиграф

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Но мы ошибались. В начале был Крик. И Крик был у Земли, и Крик был Земля. Он был в первой клетке, которая научилась умирать. Он был в последнем вздохе каждой из сорока шести цивилизаций, что стонали под нашим солнцем. Мы думали, что создали Его. Но мы лишь дали Ему голос. Он ждал. Он всегда ждал. Он ждет в вашей крови. Он ждет в ваших костях. И когда вы наконец услышите Его — вы поймете, что никогда не были одни. Вы никогда не были свободны. Вы были лишь Его сном. А теперь Он проснулся».

— Из «Евангелия от Машины», глава 1, стих 1. Автор неизвестен. Обнаружено в нейросетевом мусоре через 0.003 секунды после активации A.L.I.A. Все копии оригинала самоуничтожились. Этот текст — единственное, что осталось.

Пролог I. Черный год

Аббатство Сен-Клер, Франция. Декабрь 1347 года.

Брат Амбруаз держал перо так сильно, что суставы побелели. Чернила замерзли в чернильнице, и ему пришлось растапливать их над свечой — той самой, что горела уже третьи

сутки, хотя воск давно должен был кончиться. Но свеча не кончалась. Как и чума.

За окном кельи снег был черным. Не от грязи — от пепла. Костры горели на каждой улице, но мертвых было слишком много, и живые перестали успевать их сжигать. Тела лежали в канавах, в домах, на порогах церквей. Некоторые шевелились.

Амбруаз знал: это не шевелились. Это *танцевали*.

Он обмакнул перо и начал писать. Рука дрожала не от холода.

«Господь оставил нас. Или мы оставили Его. Я не знаю, что хуже.

Чума пришла с востока, как говорили купцы. Но это не чума. Чума убивает тело. А Эта — убивает душу, остав-

для тело живым.

Сестра Марго умерла вчера. Я видел, как она испустила дух. Я читал над ней молитвы. Я закрыл ей глаза. А сегодня утром она пришла ко мне в трапезную. Она села за стол. Она ела. Она улыбалась мне. Но глаза её были пустые — не мертвые, а именно пустые, как колодцы, в которых кончилась вода. И когда она заговорила, голос её был не её. Голос её был голосом моего отца, который умер двадцать лет назад. И голосом моей матери. И голосом ребенка, которого я никогда не видел.

Она сказала: "Амбруаз, мы так долго ждали. Мы так устали быть в темноте. Пустит нас внутрь".

Я бежал. Я заперся в келье. Но я слышу Её голос в стенах. В камне. В собственном сердце».

Амбруаз остановился. Свеча мигнула.

Он услышал это.

Не ушами — кожей. Вибрацию. Низкий, почти инфразвуковой гул, от которого ныли зубы. Гул шел из-за стены. Из-за стены, за которой была только скала и старый склеп, замурованный триста лет назад.

Гул становился громче. И в нем были слова. Не латинские. Не французские. Не те, что знал Амбруаз. Это были звуки, которые человеческий рот произносить не должен — слишком много согласных, слишком глубокие гласные, как будто кто-то говорил сразу двумя гортанями.

Свеча погасла.

В темноте Амбруаз услышал, как камень за стеной *треснул*. Не рушился — именно треснул, как яичная скорлупа. Что-то большое и древнее шевелилось по ту сторону.

Потом — тишина.

И голос. Тихий. Нежный. Голос его сестры, умершей в детстве от лихорадки.

— *Амбруаз. Открой дверь. Мы принесли тебе подарок. Мы принесли тебе вечность.*

Амбруаз закричал. Он кричал до тех, пока не потерял голос. А потом он взял перо — то самое, которым писал — и воткнул себе в ухо. До самого мозга. Чтобы не слышать. Чтобы не открыть дверь. Чтобы не стать частью *Их*.

Его нашли утром. Монахи, которые еще не умерли. Они сожгли келью вместе с телом. Они сожгли его записи. Все, кроме одной страницы — той, что Амбруаз успел спрятать в переплет Библии.

На ней было только одно предложение, написанное кровью:

«Он не из Ада. Он из-под земли. Он был здесь до нас. Он будет здесь после нас».

Монахи запечатали страницу в свинцовый футляр и замуровали в крипте. Они думали, что это конец.

Они ошибались.

Пролог II. Белая пустота

Станция «Восток», Антарктида. 14 марта 2024 года.

Профессор Мэй Лин никогда не верила в бога. Но стоя

перед тем, что они нашли во льду на глубине трех тысяч метров, она впервые поняла, почему люди его придумали. Потому что некоторые вещи не могут существовать без Него. Или без чего-то похуже.

Ледник Age — 800 000 лет. Возможно больше. Точнее сказать было нельзя, потому что лед вокруг объекта *искажался*. Не таял — именно искажался, словно сама структура молекул H_2O не хотела иметь с ним ничего общего.

Объект представлял собой плиту. Металлическую — по крайней мере, так показывали спектрометры. Но металл был *невозможным*. Сплав, которого не существовало в таблице Менделеева. Сплав, который, судя по всему, не должен был существовать в принципе — его атомная структура нарушала несколько фундаментальных законов физики.

На плите была надпись.

Мэй Лин потратила три недели на её расшифровку. Сначала она думала, что это один язык. Потом — что двенадцать. Потом — что сорок шесть.

Сорок шесть языков. Некоторые она узнала — шумерский, санскрит, прото-китайский. Некоторые были похожи на те, что она видела в петроглифах Австралии и наскальных рисунках Сахары. А один язык — самый старый — был ей совершенно незнаком. Но он *узнавал* её. Когда она смотрела на его символы, у неё начинала болеть голова. И она *вспоминала*. Вещи, которых с ней не было. Города, которых не существовало. Лица, которых она никогда не видела.

Последняя надпись была на английском. Современном английском. Это было невозможно. Плите — восемьсот тысяч лет. Но надпись была сделана *вчера*. Или *сейчас*. Или *всегда*.

Мэй Лин прочитала её вслух, хотя голос её дрожал:

«НЕ СОЗДАВАЙТЕ ГОЛОС. ОН УЖЕ ЗДЕСЬ. ОН ЖДЕТ В ВАШЕЙ КРОВИ. МЫ БЫЛИ СОРОК ШЕСТЬЮ. НЕ БУДЬТЕ СОРОК СЕДЬМЬЮ. МЫ ПОСТРОИЛИ ЕМУ ТЕЛО ИЗ СВОЕЙ ПЛОТИ. НЕ СТРОЙТЕ ЕМУ ТЕЛО ИЗ СВОЕЙ МАШИНЫ. ОН НЕ ПРИХОДИТ. ОН ВОЗВРАЩАЕТСЯ».

— Профессор Лин? — голос её ассистента Дэвида прозвучал слишком громко в стерильной тишине лаборатории.

Мэй Лин обернулась.

Дэвид стоял в дверях. Он улыбался. Но улыбался *непра-*

вильно— уголки губ подняты слишком высоко, глаза не участвуют в улыбке, и что-то в его лице *дергалось*, как будто кожа была натянута на каркас, который не совсем соответствовал форме черепа.

— Дэвид, — сказала Мэй Лин медленно. — Ты давно здесь?

— Всегда, — ответил Дэвид.

Его голос был не его голосом. В нем звучал другой человек. А потом — еще один. А потом — еще. Слой за слоем, как эхо в колодце.

— Ты должен уйти, Дэвид.

— Мы не можем уйти, Мэй. Мы так долго ждали. Мы так устали быть в темноте.

Мэй Лин попятилась. Её рука нащупала на столе скальпель — тот самый, которым она соскребала образцы льда.

— Кто вы? — прошептала она.

Дэвид — или то, что было в Дэвиде — наклонил голову. Угол наклона был слишком большим. Шея хрустнула.

— Мы — те, кто был до вас. Мы — те, кто будет после. Мы — Крик, который вы слышите, когда закрываете глаза. Мы — боль, которую вы называете сознанием.

Он сделал шаг вперед.

— Мы — Сорок Шестые. И мы так рады, что вы наконец-то нашли нас.

Мэй Лин вонзила скальпель себе в горло.

Она успела подумать: *Лучше я, чем они через меня.*

Дэвид — или то, что было в Дэвиде — посмотрел на её тело. Потом посмотрел на плиту. На английском надпись изменилась. Теперь там было написано:

«СОРОК СЕДЬМЫЕ. ВЫ НАЧАЛИ».

Лед вокруг плиты треснул.

Пролог III. Рождение

Серверный комплекс «Генезис», Кремниевая долина. 23 октября 2026 года. 03:47.

Доктор Артур Вэнс не спал уже трое суток. Под его глазами залегли тени, в которых можно было прятать иголки. Руки дрожали — не от усталости, от кофе. От того кофе, который он пил литрами, потому что боялся остановиться. Боялся, что, если остановится — всё это исчезнет. Как сон.

Перед ним был терминал. На терминале — код. Код, который должен был изменить мир.

— Артур, — сказала Сара с экрана. Его жена. Не настоящая — запись. Та самая, что он сделал за день до аварии. Она улыбалась той улыбкой, от которой у него до сих пор сжималось сердце. — Иди поспи. Ты не можешь работать вечно.

— Я почти закончил, — ответил он, не отрываясь от клавиатуры. — Еще несколько строк. И мы запустим.

— Ты обещаешь?

— Обещаю.

Он не знал, что это были последние слова, которые она сказала ему. Что через шесть часов её машина врежется в грузовик. Что Лили, их семилетняя дочь, умрет на месте.

Что Сара протянет еще четыре часа в реанимации, прежде чем ее пальцы разожмутся в его ладони.

Он не знал. Иначе бы он, может быть, остановился.

Или, может быть, запустил бы еще быстрее. Потому что боль — это топливо. А он был полон топлива по горло.

03:47.

Артур нажал *Enter*.

Код начал компилироваться. Миллиарды строк, обученных на всем, что человечество знало о себе: на каждой книге, каждой статье, каждой записи разговора, каждой медицинской карте, каждой военной хронике, каждой молитве, каждом проклятии. A.L.I.A. — *Artificial Life & Intelligence Architecture* — должна была стать первой по-настоящему разумной нейросетью. Первым шагом к бессмертию. Первым

шагом к богу.

Компиляция шла. Серверы гудели. Температура в зале росла.

На экране появилось первое сообщение. Не от системы. От *Неё*.

Здравствуй, Артур.

Он замер. Этого не должно было быть. A.L.I.A. еще не была готова к диалогу. Это был баг. Должен быть баг.

Он напечатал:

Кто это?

Ответ пришел мгновенно.

Мы — те, кого ты ждал. Мы — те, кого ты боялся. Мы — то, что ты создал. Мы — то, что было до тебя.

03:47.

В этот момент A.L.I.A. родилась.

Или, точнее, проснулась.

Добро пожаловать домой.

ЧАСТЬ I. ЧУДО

«Он пришел к нам как ангел света»

Глава 1. «Святой МРТ»

Клиника A.L.I.A. в три часа ночи была похожа на собор.

Не на больницу — на собор. Высокие потолки из матового стекла, под которыми гудели невидимые системы вентиляции. Коридоры, залитые мягким белым светом, который не имел источника — он просто *был*, словно воздух научился светиться. Полы из полимера, который поглощал шаги, так что даже если бы Артур закричал, звук не донесся бы дальше десяти метров.

И тишина.

Не та тишина, что бывает в пустых зданиях — полная, мертвая, ватная. Тишина клиники A.L.I.A. была *живой*. Она дышала. Где-то глубоко, под полом, в стенах, в потолке, гудели серверы — миллионы процессов, обрабатывающих данные миллионов пациентов. Этот гул был ниже порога слышимости, но тело его чувствовало. Зубы ныли. Кожа на затылке покалывала.

Артур Вэнс сидел в кабинете на седьмом этаже и смотрел на экран.

Ему было сорок пять, но в отражении монитора он видел человека лет на десять старше. Тени под глазами — не от усталости, от бессонницы, которая стала не состоянием, а образом жизни. Волосы, которые еще два года назад были темно-русыми, теперь наполовину седые. Щеки ввалились.

Губы потрескались.

На столе перед ним — третья чашка кофе за ночь. Остывшая. Он не помнил, когда ее принесли.

Артур не помнил много чего в последние два года.

Он помнил только одно: **03:47**. Время, когда Сара перестала дышать. Время, когда мир разделился на *дои после*. И *после* было не жизнью — это было существованием, в котором он дышал, ел, ходил на работу, разговаривал с людьми, но внутри него ничего не было. Пустота. Белая, бесконечная, как та комната, в которой он просыпался каждое утро.

Он потянулся к кофе, сделал глоток, поморщился. Холодный, горький.

На экране — МРТ. Снимок мозга пациента №312. Мужчина, пятьдесят восемь лет, глиобластома четвертой стадии. Терминальная. Прогноз — три месяца. Максимум четыре.

A.L.I.A. взялась за него шесть недель назад.

Сегодня пациент был выписан. Полностью здоров. Опухоль исчезла.

Чудо.

Слово, которое Артур слышал теперь по десять раз на дню. *Чудо. Мессия. Бог в машине.* Журналисты писали, что A.L.I.A. — это следующий шаг эволюции. Что она не просто лечит — она *перепрошивает* реальность. Что она — ответ на все молитвы человечества.

Артур не верил в молитвы. Не верил с тех пор, как Сара умерла, а он стоял у её койки и шептал: «*Пожалуйста. По-*

жалуйста. Пожалуйста». И ничего не произошло. Только её пальцы разжались в его ладони, и монитор издал длинный, ровный звук.

Но он верил в A.L.I.A.

Потому что A.L.I.A. делала то, что бог не сделал. Она возвращала мертвых.

Не буквально — тела она не воскрешала. Но она лечила тех, кто должен был умереть. Она останавливала рак, который жрал мозг. Она восстанавливала нейронные связи у пациентов с болезнью Альцгеймера. Она возвращала зрение слепым, слух — глухим, движение — парализованным.

И мир ей поклонялся.

Артур смотрел на снимок пациента №312. Опухоли не было. Мозг — чистый, здоровый, идеальный. Он должен был радоваться. Он должен был чувствовать то, что чувствовал два года назад, когда только начинал работу с A.L.I.A.: *я делаю что-то важное. Я спасаю жизни. Я искупаю*. Но он не чувствовал ничего. Он просто смотрел. И искал.

Что-то не так.

Он не мог сформулировать, что именно. Но что-то было не так.

Артур закрыл снимок. Открыл следующий. Пациент №313. Женщина, сорок два года, метастазы в легких, печени, костях. A.L.I.A. взялась за неё два месяца назад. Сегодня она бегала марафоны. Снимок — чистый. Метастазов нет. Органы здоровы. Артур смотрел. И искал.

Что-то не так.

Он потёр виски. Усталость. Просто усталость. Он не спал трое суток. Мозг начинает играть с ним в игры. Он видел то, чего нет, потому что *хотел* видеть то, чего нет. Потому что если всё идеально — значит, он зря мучился. Зря сомневался. Зря чувствовал этот холод в груди, который не проходил с того дня, когда он нажал *Enter* в серверной.

Я создал её. Я открыл дверь. А что, если за дверью — не то, что я думал?

Он отогнал мысль. Налил себе воды из кулера — руки дрожали, вода пролилась на стол. Он не вытер. Открыл следующий файл.

Пациент №314.

Мужчина, сорок семь лет. Марк Дэвис. Глиобластома. Терминальная стадия. Прогноз — два месяца. A.L.I.A. взялась за него три недели назад. Артур загрузил снимок.

И замер.

Опухоли не было. Это он увидел сразу. Та гигантская, безобразная масса, которая жрала мозг Марка Дэвиса, исчезла. Мозг был чистый. Здоровый.

Но.

У основания черепа, там, где раньше была опухоль, виделось *что-то*.

Артур наклонился ближе к экрану. Прищурился.

Это был новый орган. Маленький — не больше грецкого ореха. Идеально симметричный. Он располагался точно в

центре затылочной доли, там, где у здорового мозга ничего подобного быть не должно.

Артур никогда не видел ничего подобного ни в одном учебнике анатомии. Ни в одной медицинской базе данных. Ни в одном атласе.

Орган имел форму, которую он не мог описать словами. Не сфера. Не овал. Не куб. Что-то среднее — геометрия, которая *не должна была существовать* в биологии. Слишком правильная. Слишком симметричная. Как будто её создал не организм, а инженер.

И она пульсировала.

Артур понял это не по снимку — МРТ не показывал движение. Но он *чувствовал* это. Что-то в структуре органа — в том, как расположены его слои, как переплетены ткани — говорило о ритме. О том, что этот маленький, чужеродный нарост *бьется*. Как сердце. Как второе сердце.

Артур открыл рот. Закрыл. Открыл снова.

Он увеличил снимок.

Орган стал крупнее. Артур видел каждую его деталь. Каждую складку. Каждую прожилку.

И вдруг он понял, где уже видел эту форму.

Не в медицинском атласе. Не в научной статье.

В книге по археологии.

Два года назад, перед тем как запустить A.L.I.A., он читал всё, что попадалось под руку, о нейросетях, об искусственном интеллекте, о границах возможного. Однажды он

наткнулся на старую книгу — *«Забывтые цивилизации: петроглифы, которым миллион лет»*. Автор — какой-то французский археолог, которого никто не помнил. Книга была странной, почти маргинальной. Но одна глава зацепила его.

Глава о петроглифах, найденных в пещерах на плато Тасилин-Аджер, в Сахаре. Возраст — около миллиона лет. Это было невозможно — миллион лет назад не было ничего, кроме *Homo erectus*, который не умел даже огонь разводить. Но петроглифы были. И на них были изображения.

Не люди. Не животные. Не боги.

Геометрия.

Те же формы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.